Михайловича благовещенский протопоп Стефан Вонифатьев...

В этом пока запутанном клубке дружеских и родственных связей нас поражает одно — сколько же вышло высших сановников русской церкви из крохотного уголка необъятного царства! Правда, все они, кроме Никона, были поповичи. Но не это послужило толчком к их возвышению...

Все они встречались в Макарьевском монастыре, где было, очевидно, неплохое собрание рукописных и печатных книг. Округу, в которой находились их села, можно было обойти пешим ходом за один день. И, верно, они беседовали и спорили друг с другом, обменивались книгами. Так под сенью Макарьевского монастыря постепенно создавался кружок, в котором подрастали молодые люди — развитые, начитанные и честолюбивые. Они не были по рождению дворянами и могли сделать только духовную карьеру. Годам к двадцати с небольшим каждый из них становился священником, религиозный пыл увлекал их в монастыри, где они выгодно выделялись среди полуграмотной монастырской братии, и путь в игумены, а потом и в епископы был открыт.

В дни юности Аввакума еще ничто не предвещало будущих раздоров...

Возмужавшего Никиту Минина родственники вытребовали из монастыря в мир, заставили жениться, а там жители одного из соседних сел выбрали двадцатилетнего парня в священники. Талант и страстность быстро выделили его среди прочих попов, и вскоре заезжие купцы, познакомившись с Никитой на Макарьевской ярмарке, сманили его в Москву...

4

Женился и Аввакум. Ему минуло семнадцать, когда мать заслала сватов к опекунам четырнадцатилетней сироты Анастасии. Пока жив был ее отец Марко, семья была зажиточной. А в чужой семье не то что сухой хлеб, и каша

горло дерет. Но была Настасья тиха, набожна и трудолюбива. Старалась, как могла, попреки сносила безмолвно. Мать Аввакума приглядывалась к ней сызмальства, а когда девочка начала расцветать, заневестилась, она решила, что лучшей жены ей сыну не найти.

По обычаю, сына своего она не спрашивала, как не спрашивали о согласии Настю. Но не матери ли угадывать желания сына. Оказалось, что и Настасья заглядывалась на юношу. Видимо, он был пригож и статен.

Так в жизнь Аввакума вошла Анастасия Марковна, замечательная русская женщина, прошедшая рука об руку с ним через все мытарства и родившая ему девять детей.

Вскоре умерла мать Аввакума. Почувствовав приближение смерти, она постриглась в ближайшем монастыре, приняв имя Марфы.

И тотчас на молодоженов, обремененных полудюжиной меньших Аввакумовых братьев и сестер, обрушилась беда. Дом священника принадлежал общине. Пока была жива мать, семью не решались выселить. Но строптивый Аввакум не очень ладил с «соплеменниками», которые вынудили его переселиться в другое место.

В двадцать один год он уже стал дьяконом, а в двадцать три — священником в селе Лопатищи. Он по-прежнему крестьянствовал, помогали ему братья. Тогда же увидел свет его первенец Иван.

«Поставлен в попы» Аввакум был весьма просто. Собрались прихожане, выбрали его, как могли выбрать любого из своей среды, и поручились особой записью, что он «человек добрый, Святое писание знает и не бражник». Явился он к архиерею вместе с другими кандидатами в священники, и каждый из них держал в руке прошение. Архиерей вышел с книгой и стал ее давать читать по очереди каждому кандидату. Кто читал плохо, того он прогонял, а кто хорошо — у того на бумаге делал пометку. За Аввакума непременно уж замолвили словечко знакомые попы, но и ему, вероятно, пришлось сделать взнос казначею и ода-

рить писцов и прочую архиерейскую челядь. И лишь потом, во время службы, епископ совершил рукоположение...

Так бы остался Аввакум сельским попом, перебивался бы с хлеба на квас, если бы не жила в нем беспокойная сила, властная потребность действовать. Он не довольствовался церковными службами, которые его прихожане посещали весьма неусердно, и пытался проповедовать «и в домах, и на распутьях», и в других селах. Но часто его проповедь встречалась равнодушно. Своей нетерпимостью Аввакум отпугивал людей заурядных, а начальников приводил в ярость и делал своими врагами.

Но иные прислушивались к нему. Строгий, взыскательный, он умел подходить к людям и с трогательной лаской, а порой не щадил себя для тех, кого опекал, и они платили ему тем же. Духовные дети, которых Аввакум насчитывал к концу жизни около шестисот, привязывались к нему нерасторжимыми узами.

Однажды к молодому попу в лопатищинскую церковь пришла исповедоваться девица. Была она «многими грехами обременена, блудному делу... повинна». Стала она перед Евангелием и начала покаянную речь. Очевидно, она была « так хороша, а ее рассказ о любовных похождениях настолько впечатляющ, что священник, призванный врачевать чужие души, «сам разболелся». Сжигаемому «огнем блудным», ему было горько и стыдно. И тогда он взял три свечи, зажег их, прилепил к аналою и «возложил руку правую на пламя, пока не угасло злое разжение».

Надо думать, что на девицу это произвело впечатление.

В своей избе той ночью Аввакум долго плакал, пока «очи не опухли», да так и уснул, лежа на полу под образами, и увидел сон, который всю жизнь считал пророческим.

Увидел он Волгу, а по Волге той стройно плывут два корабля золотые. И весла у них золотые, и мачты золотые, и все золотое. И всего-то людей на кораблях по одному кормщику. Спрашивает он их: «Чьи корабли?» И ему от-

вечают: «Лукина и Лаврентьева». А то были купцы работкинские, духовные дети его. И видит он третий корабль, но не золотой, а пестрый — и красный, и белый, и синий, и черный, и пепелесый. Красоты ж его умом человеческим не постичь. Юноша светлый на корме сидит, правит прямо на Аввакума, того и гляди подомнет. И вскричал тот: «Чей корабль?» Ответил ему юноша: «Твой корабль! На, бери, плавай на нем с женою и детьми, коль хочется!»

Проснулся Аввакум, сел на полу и стал думать: что же это, какое плаванье его ждет?

5

В скором времени начались беды.

Справедливости искал Аввакум, а нашел жестокость. Местный начальник отнял у вдовы дочь, собираясь, видимо, сделать ее своей наложницей. Аввакум вступился за вдову, просил начальника вернуть девушку. И дело не обошлось без обличений, настолько разгневавших начальника, что он явился к церкви со своими людьми и «воздвиг на Аввакума бурю». Попа избили так крепко, что он потерял сознание. Увидев Аввакума недвижимым, начальник испугался и отпустил девушку. Через полчаса Аввакум пришел в себя, и тогда начальник, раскаявшись в собственной «мягкотелости», вернулся в церковь, бил попа, сшиб его и таскал за ноги по полу в полном облачении.

По другой, аввакумовской же, версии поп-богатырь отнял девушку силой, после чего начальник явился к церкви с целым отрядом.

В те времена лучшим доводом в споре считалась кулачная расправа, сдержанность была не в почете. А уж если кто чуть возвысился над другими, перечить ему было опасно. Сам царь Алексей Михайлович, прозванный Тишайшим, не задумываясь, хлестал по щекам седобородых бояр, а в церкви во время службы не стеснялся крепких выражений, если ему казалось что не так.

Спустя некоторое время другой начальник, некий Иван Родионович, вломился к Аввакуму в дом, бил его и «у руки огрыз персты, яко пес зубами», а после вечерни пытался пристрелить из «пистоли». Порох на полке пыхнул, но выстрела не последовало. Дал осечку и второй пистолет. Аввакум издевательски благословил начальника:

— Благодать во устах твоих, Иван Родионович, да будет!

Иван Родионович не остался в долгу. Отнял у Аввакума имущество, а самого со двора выбил вместе с Настасьей, маленьким Иваном и только что родившимся младенцем. «И на дорогу хлеба не дал».

Те, чьи сердца Аввакум сумел завоевать, проводили его за околицу. И побрели изгнанники в Москву. По дороге Аввакум крестил новорожденного и дал ему имя Прокопий.

Была и еще одна причина для гнева начальнического. Ее мы находим в словах самого Аввакума. Иван Родионович «сердитовал на меня за церковную службу: ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо; так ему было досадно».

Неужели длительность церковной службы могла вызвать столь бурную реакцию? Да, могла. Еще не прошли те времена, когда нечто подобное бывало даже формальной причиной длительных и кровавых междоусобных войн. И пока Аввакум со своими добирается до Москвы, постараемся разобраться в событиях, предшествовавших расколу.

6

Смутное время не только обескровило Русь, не только катастрофически убавило ее население, не только пожгло ее города и сократило пахотные земли, оно расшатало и устои морали.

И в то же Смутное время ощущение опасности «вечного порабощения латинского», как писал в своих призыв-

ных грамотах Дионисий, подняло и сплотило лучших людей земли русской, заставило их неистовым напряжением сил изгнать врага.

Но прошел десяток лет, и герои были оттеснены с политической арены новой знатью — «знатью дворца и приказа». Не слыхать уже о Минине, обижен Пожарский. Оказался в тюрьме и архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий, обвиненный в искажении богослужебных книг, проверка которых была поручена ему царем и церковными властями. Выпустил его на свободу в 1619 году вернувшийся из польского плена митрополит, а затем патриарх Филарет, отец молодого царя Михаила Федоровича, умный и дальновидный правитель Московского царства.

Филарет ценил Дионисия и ограждал красивого и умного старца от неприятностей. Под покровительством Филарета Троице-Сергиева обитель процветала. Она была крупнейшим культурным центром того времени, с ней связано творчество многих русских писателей. И немалую роль играл тут характер Дионисия, который никого не подавлял и не поражал ни властной волей, ни упорством.

Все окружение Дионисия увлекалось проповедями Иоанна Златоуста и сочинениями Максима Грека, бичевавших пороки общества. И этот интерес не был случаен у свидетелей разнузданности Смутного времени и падения нравов, продолжавшегося в последующие годы. И если призывные грамоты Дионисия поджигали Русь, уже готовую смести взрывом польскую интервенцию, то с нынешней бедой бороться мягкому архимандриту было не под силу. Но получилось так, что именно Троице-Сергиева обитель дала жизнь идеям, породившим (в какой уж раз!) весьма могучее общественное движение, которое питало крупными событиями всю вторую половину семнадцатого столетия...

В двадцатых годах этого столетия к монастырю прибило молодого псаломщика Ивана Неронова. Этот крестьянский сын, вологодец, уже пытался громогласно укорять

священников за их пьянство и иные «бесчинства», а в Вологде был крепко бит слугами епископа за свои обличения. Кто-то из иноков представил его Дионисию, и Неронов так понравился архимандриту, что тот даже поселил его у себя в келье. Вместе они читали сочинения Максима Грека, который доживал некогда свои последние дни под строгим надзором в Троице-Сергиевом монастыре, где и скончался в 1556 году.

Афонский инок Максим, приглашенный в Россию великим князем Василием Ивановичем, в юности получил образование в Италии. Одно время он жил в доминиканском монастыре, настоятелем которого был знаменитый Иероним Савонарола. Многое от духа неукротимого доминиканца, обличавшего в своих проповедях распущенность пап и духовенства и сожженного на костре, было в писаниях Максима, прозванного на Руси Греком.

Дионисий с Нероновым вычитывали в его сочинениях только то, что волновало их обоих. Их коробил упадок нравственности, некоторые черты русского быта, противоречившие началам православия, остатки язычества... Но тот же Иван Неронов не хотел замечать широты взглядов Максима, осуждавшего возведение обрядов в степень догмы...

У Неронова был слишком беспокойный, деятельный характер, чтобы искать спасение в монашестве. Он рвался «спасать» других. Монах Дионисий одобрил намерение своего молодого друга и дал ему рекомендательное письмо к патриарху Филарету. Неронов явился к патриарху лично и был тотчас посвящен им в дьяконы, а через год и в священники.

Филарет часто приглашал Неронова к своему столу, представил царю и многим знатным боярам, которых молодой священник ретиво укорял в брадобритии и перенимании других иноземных обычаев. Речи его были созвучны настроению Филарета, который заставил всех иноземцев, находившихся на патриаршей службе, перейти в православие, а в случае отказа — подать в отставку.

Назначенный священником храма Вознесения Христова в Нижнем Новгороде, Иван Неронов сразу же показал, на что он способен. В этом громадном торговом городе, тогда четвертом по величине на Руси после Москвы, Ярославля и Казани, он возродил старинную традицию, существовавшую в домонгольское время, — стал опять произносить проповеди и читать книги прихожанам. В проповедях, приводя дурные примеры, он не стеснялся вытаскивать на свет божий грехи местных воевод и священников, разоблачать их разврат, пьянство, взяточничество. А те в свою очередь, не стесняясь, избивали попа при всяком удобном случае и писали на него доносы в Москву.

Но Неронов и сам часто наведывался в Москву, где бывал у царя и патриарха и находил у них управу на своих противников. Однако он занесся так высоко, что осмеливался уже вмешиваться в государственные дела, убеждал царя и патриарха не начинать польскую войну, а потом «во исступлении ума» воспретил ее, предрекая поражение.

За дерзость, или, как говорилось в препроводительной грамоте, «за гордость и высокую мысль», патриарх Филарет сослал попа Ивана на покаяние в дальний Николо-Карельский монастырь.

В свое время Неронов живал в Лыскове. Слава обличителя уже достигла этих мест и будила воображение молодых людей, собиравшихся в Макарьеве. Девиз Неронова «Бием (битый) одолевай» звучал для них весьма глубокомысленно...

В многочисленных житиях святых, знание которых было непременным для всякого образованного человека того времени, описывались всякие ужасы — пытки, заточения, избиения, казни... Гонения со стороны язычников или сильных мира сего и проявленная при этом стойкость были для ранних христиан веским основанием для причисления того или иного человека к лику святых. Жития отшельников и монахов полны примеров самоистязаний, умерщвления плоти, аскетического самоуглубления...

У крестьян и ремесленников, наделенных богатым воображением, мучители из житий отождествлялись с воеводами и боярами, не знавшими границ в своем самоуправстве. Мир казался средоточием греховности, насилия, неправедности.

В дремучих лесах вокруг Костромы, Ярославля и Нижнего появились «лесные старцы». Они отрицали семейную жизнь и рождение детей и сами носили вериги, ходили в легкой одежде зимой, стараясь лишениями умертвить в себе тягу к естественным человеческим радостям.

Возглавлял это движение некий старец Капитон, возмущавший своим изуверским аскетизмом даже монахов. Один из них писал: «Воздержен в посте, вериги на себе носил каменные, плита сзади, а другая спереди, по полтора пуда в обеих: и всего весу три пуда; петля ему бе пояс, а крюк в потолке, и обе железны, то ему постеля: прицепил крюк в петлю повисе спати...» Отправляли Капитона на исправление в монастыри, но он убегал в леса, обрастал учениками и сторонниками, которым не разрешал даже в праздники «сыра и масла и рыбы вкушати».

Капитон отрицал иконы, на которых Христос и Богородица изображались в богатых одеждах, не просил благословения у священников, пивших вино, да и саму церковь ставил невысоко, предпочитая непосредственное «общение» с Богом.

В «капитоновщине», возникшей задолго до прихода к власти Никона, уже прорастали семена раскола.

Среди учеников Капитона, таких же аскетов и «железоносцев», был некий «великий и премудрый Вавила», о котором позже в одном из раскольнических сочинений говорилось: «Бысть родом иноземец, веры люторския, глаголати и писати учился довольновременно в славней парижстей академии, искусен бысть в риторике, логике, философии и богословии; знал языки латинский, греческий, еврейский и славянский».

Неведомы пути, которые в царствование Михаила Федоровича привели этого француза, воспитанника париж-

ской Сорбонны, современника кардинала Ришелье, в леса под Вязники. Но именно там Вавила, «вериги тяжелые на себя положив», довел до крайности взгляды своего учителя Капитона и проповедовал впоследствии массовое самосожжение — деяние несовместимое с догматами даже самых изуверских религий...

Француз Вавила, в прошлом протестант, был истинным сыном века, когда все богословие пронизывалось ощущением близости конца мира. Эсхатологизм немало повлиял и на Реформацию — Лютер ждал светопреставления и призывал покаяться перед Страшным судом. Многие и на Руси верили в близкий конец света. Сперва считали, что он наступит в 1492 году, то есть в 7000 году от начала мира по библейскому летосчислению. Благополучно пережив эту дату, одни зарядились здоровым скептицизмом, другие говорили, что конец придет в 8000, то есть в 2492 году, а третьи — и таких было много — предсказывали конец мира в 1666 году, так как в «Откровении Иоанна» антихрист зашифровывался числом 666.

7

Неронов и его молодые последователи воспринимали несовершенства бытия не столь пессимистично — они видели выход в исправлении народной морали и избрали иной путь борьбы, положив начало совершенно новому виду русского подвижничества. Не от мира уходить, а идти к миру, проповедовать, разоблачать, и если придется пострадать за это, что ж, кто из праведников не страдал? Потом они число побоев и гонений будут ставить себе в заслугу. Претерпевая мучения с невероятным стоицизмом, в своих «житиях» и посланиях они перечисляют побои как знаки отличия.

Вернувшись из ссылки, неугомонный Неронов собрал вокруг себя девятерых нижегородских протопопов и священников, которые и подали новому патриарху Иоасафу «память», или доклад, о неприглядности церковных нра-

вов, о «нерадении поповском от многого пьянства и бесчинства».

Вот церковь. Идет богослужение. Церковный причт читает молитвы и поет... Но как? Спеша поскорее отделаться, служители читают и поют все разом и каждый свое, «говорят голосов в пять и в шесть и боле, со всяким небрежением, поскору». Гам стоит невероятный, ни слова нельзя разобрать, но прихожане довольны: отбарабанил причт, и можно идти по своим делам...

Да никто и не слушает службу. Прихожане ходят по церкви, разговаривают, спорят и даже дерутся «с бесстрашием». А попробует поп сделать замечание, его тут же начинают поносить, того и гляди намнут бока. Впрочем, попы тоже хороши, сами в церкви болтают, чревоугодники и пьяницы.

Многочисленное потомство попов во время службы играет в церкви, гоняет по алтарю. По церкви ходят какие-то люди с иконами на шее и блюдами в руках, собирают деньги якобы «на созидание храма», а потом пропивают их в кабаках. На полу бьются, вымаливая деньгу, «бесноватые», оказывающиеся «целоумными». Кричат шпыни, пристают к людям мошенники в черных иноческих одеждах и веригах, зазывают мнимые калеки, будто бы покрытые гнойными язвами, а на деле вымазанные говяжьим мозгом с кровью.

Неронов не преувеличивает. Тому подтверждение «память» патриарха Иоасафа о прекращении беспорядков в московских церквах, повторявшая почти буквально доклад нижегородцев.

Патриарх требовал от попов, чтобы в церквах покончили с диким галдежом, называемым «многогласием», и служили не больше чем в два-три голоса. Аввакум у себя в церкви служил «единогласно». Но если даже в Москве удлинение службы вызывало громкий ропот, то в провинции, где до царя далеко, а до Бога высоко, начальники с попами не церемонились. Так проясняется конфликт Авва-

кума с Иваном Родионовичем, дошедший до «грызения перстов», стрельбы из пистолей и изгнания из села.

Но не только это возмущало Неронова и его сторонников. Они обрушиваются на полуязыческий быт своих прихожан, на веселую, разудалую Русь.

От Рождества до Богоявленья гремит праздником Поволжье: браги — море разливанное, по домам ходят ряженые в масках-личинах, «косматые и зверовидные», позади хвосты привязаны. Носят с собой лошадь из луба, украшенную шелковыми расшитыми полотенцами и колокольчиками. А кто вырядится в быка — Тура (этот обычай остался от культа бога Ярилы) и поет непристойные песни:

Ой Тур, молодец удалой!
Он из города большого
Вызывал девицу красну
С ним на травке побороться,
Ой Дид Ладо, побороться...

В праздник Вознесения со всех сел и деревень съедется народ на луг перед монастырем; корчмари с кабаками и «всякими пьяными питии» прибудут; вожаки с учеными медведями и собаками соберутся; скоморохи в личинах, «в бубны бьюще и в струны ревуще», зазывают людей на зрелище «позорное», сыплют прибаутками, высмеивая и попов.

Любит народ скоморохов, и начальство даже их под защиту берет.

«И зело слабеет, — по словам Неронова, — род человеческий от многих прелестей сатанинских» и от церкви отвращается. Не нравится ему, что народ на качелях любит качаться, что на кулачках по праздникам дерется, что хранит языческий обычай березам поклоняться. Сносят жены и девицы под дерево яства всякие, в ладоши плещут, песни поют, пляшут, а то и свивают березовые ветви в кольца и сквозь те кольца целуются. Жгут костры и всю ночь до восхода играют и через костры скачут...

«Ревнители благочестия», как позже называли Неронова и его единомышленников, связывали в единый узел язычество и пьянство, неблаголепие церковной службы и сквернословие («Бесстыдной, самой позорной нечистотой языки и души оскверняют»), нерадение попов и свободу нравов, нежелание молодых крестьян венчаться в церкви.

В писаниях моралистаторов XVII века, которых народ называл святошами и ханжами, почти ничего не говорится о трудолюбии и предприимчивости русских людей, об их высоком чувстве собственного достоинства и большом художественном таланте. Изголодавшаяся в Смутное время по мирному труду, Русь пахала землю, возводила каменные и рубила деревянные храмы, украшала свои жилища чудесной резьбой, осваивала сибирские просторы, писала иконы... Каждый третий на Руси был искусником — либо живописцем, либо резчиком, либо вышивальщицей... Но имена их редко запечатлевались на бумаге. Все это было обыденным, привычным, а на бумагу заносились события исключительные — войны, убийства, разбой, смены и деяния правителей, политические схватки. И бесчисленные обвинения, обвинения. А обвинения, какими бы они ни были — правдивыми или клеветническими, — содержат в себе одно отрицание.

Нижегородцы не были одиноки — из других городов в Москву сыпались челобитные, в которых и сами епископы обвинялись в недостаточном рвении, недостойной личной жизни... И Москва откликалась грозными указными грамотами.

Ко времени изгнания Аввакума из Лопатищ ревнители благочестия уже прочно осели в столице.

Аввакум уповал на их поддержку и не ошибся...

Совсем недавно случились в Москве большие перемены. Скончался первый царь династии Романовых Михаил Федорович, и на престол вступил его пятнадцатилетний сын Алексей Михайлович.

28 сентября 1645 года из Золотой палаты к Успенскому собору двинулась пышная процессия. Впереди нее шел,

поддерживаемый двумя дьяконами, протопоп Благовещенского собора Стефан Вонифатьев. На голове он держал золотое блюдо, на котором лежали «святый животворящий крест и святые бармы». Следом несли Мономахову шапку, скипетр, державу. Царские регалии сопровождало множество дворян в золотых одеждах во главе с боярином Василием Петровичем Шереметевым.

Стефан Вонифатьев вернулся к юному царю, который с громадной свитой уже сам отправился в Успенский собор, где патриарх Иосиф должен был короновать его «по чину венчания прежних царей». И снова впереди пошел протопоп Стефан Вонифатьев, кропя царский путь.

После коронования под приветственные крики своих подданных, осыпаемый золотыми деньгами, царь в тяжелом облачении, уже со скипетром и державой в руках стал обходить кремлевские соборы. В Архангельском он поклонился гробу своего отца, могилам всех русских великих князей и царей, в Благовещенском выслушал поучение протопопа Стефана Вонифатьева.

Безвестный доселе Вонифатьев начинает играть очень заметную роль, ибо он духовник царя.

Историк Ключевский писал, что одной ногой Алексей Михайлович еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту... Главный воспитатель его Борис Иванович Морозов смело вводил в царский обиход западную новизну. Духовные наставники воспитывали царя в строгом благочестии, и о тонкостях церковной службы он мог поспорить с любым знатоком.

Стефан Вонифатьев приохотил молодого царя к чтению назидательных книг, докладывал ему о всех церковных делах и знакомил с людьми, которые добивались укрепления церковного порядка и распространения благочестия в народе. Так постепенно сложился кружок ревнителей благочестия, в который входили и сам царь, и его духовник Стефан, и нижегородский поп Иван Неронов, и молодой, но

влиятельный царский постельничий Федор Михайлович Ртищев и, наконец, Никон.

Никон был некрасив, но отличался величественностью и красноречием. Он увлекал царя и его духовника страстными речами и рассказами о своей необычной судьбе. Перебравшись в Москву по приглашению купцов, Никита Минин после внезапной смерти своих детей, уговорил жену постричься в монастырь, а сам удалился в Анзерский скит на Белое море и тоже постригся в монахи под именем Никона. Властный инок не ужился с братией и покинул обитель. Оказавшись в конце концов в бедном Кожеозерском монастыре, Никон очень быстро был выбран игуменом. Затеяв большую стройку, он стал часто бывать по делам в Москве. Молодой царь, познакомившись с Никоном, уже не захотел расставаться с ним и сделал его архимандритом московского Новоспасского монастыря. Мало того, царь поручил ему рассматривать прошения обиженных в суде, вдов и сирот. Каждую неделю теперь встречался Никон с царем, каждую неделю он выступал в роли защитника сирых и убогих, и с этого началось его головокружительное восхождение на вершину власти.

В 1647 году состоялись смотрины самых красивых девушек государства. Царь надумал жениться. Из двухсот девушек выбрали шесть прекраснейших. Из шести царю приглянулась одна — Евфимия, дочь Рафа Всеволожского. Получив это известие, избранница упала в обморок. «Царскую невесту» тотчас оговорили и вместе с родными сослали в Сибирь. Не без оснований поговаривали, что все это дело рук боярина Морозова, который вскоре сосватал царю Марью Ильиничну Милославскую, а через десять дней после свадьбы женился на ее сестре.

Влияние ревнителей благочестия на царя было огромно. В делах церковных он редко что предпринимает, не посоветовавшись с ними. Даже свадьба Алексея Михайловича по настоянию его духовника Стефана Вонифатьева прошла

без шумных торжеств, без традиционных свадебных обрядов и песен. После венчанья молодые сразу же уезжают на богомолье в монастыри.

8

И в этот год появляется в Москве сельский поп Аввакум со своим семейством. Он впервые в столице. Деревенский житель, наверное, с восторгом разглядывает богатые церкви и хоромы, озирается на пышные боярские выезды, удивляется многолюдству и шуму московских торгов... Но в рядах не зазывают его, не хватают за полы — что возьмешь с нищего попа, у которого и всего богатства-то латаная однорядка да гуменцо под засаленной скуфьей.

Спрашивает Аввакум, не знает ли кто, где тут найти нижегородского попа Ивана Неронова. Как же, слышали: кричал поп у Казанской церкви, книгу «Маргарит» народу читал. Царь его уважает, а живет поп на дворе постельничего Федора Ртищева. Неподалеку тут, за Боровицкими, на углу Знаменки и Моховой.

Передние ворота ртищевские — высокие, крытые, резные; на верхней доске — честной крест... Из-за забора дома не видно, собаки во дворе лают басовито, зло. Караульщик в окошко выглянул: кто таков да откуда?

Двор у вельможи большой. По краям все избы, повалуши, сенники, бани, а в глубине — палаты каменные, двухэтажные, с высоким крыльцом на пузатых столбах. Ввели Аввакума наверх, в крестовую. Вошел, перекрестился перед образами в богатых, украшенных самоцветными каменьями ризах и резных золоченых киотах. Никогда прежде не видывал Аввакум такой лепоты в домах. Огляделся. Вся палата, и стены и своды, расписана красками — травы, птицы, звери чудные. Заморские, видать. И в окнах слюда крашеная. А стулья золоченые, ножки витые, тонкие, сесть страшно — раздавишь...